

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Лин Цзе. Рецензия рассказа «Судьба человека» Михаила Шолохова в китайском литературоведении / Лин Цзе // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 317—343. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-317-343.

Ling Jie. (2025). Reception of Mikhail Sholokhov's "The Fate of a Man" in Chinese Literary Criticism. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 317-343. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-317-343. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Рецензия рассказа «Судьба человека» Михаила Шолохова в китайском литературоведении

Лин Цзе

orcid.org/0009-0007-8222-7522

аспирант, кафедра русской
зарубежной литературы,

корреспондирующий автор

1042235156@pfur.ru

Российский университет дружбы
народов
им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена при
поддержке

Китайского стипендиального совета
(China Scholarship Council) в рамках
программы «Стипендия Правительства
КНР и РФ», 202307220021

Reception of Mikhail Sholokhov's "The Fate of a Man" in Chinese Literary Criticism

Ling Jie

orcid.org/0009-0007-8222-7522

Postgraduate student, Department
of Russian Foreign Literature,

corresponding author

1042235156@pfur.ru

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared
with the support of the Chinese
Scholarship

Council (China Scholarship Council)
within the framework of the Government
"Scholarship program China
and Russia", 202307220021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается влияние рассказа М. Шолохова «Судьба человека» на китайскую военную прозу. Исследование выявляет три этапа в восприятии произведения китайским литературоведением: идеологическое освоение, период сниженного интереса и углубленный анализ. Подчёркивается, что «Судьба человека» оказала значительное влияние на формирование нового образа «маленького человека» в китайской военной прозе, способствуя переосмыслению темы страдания и отходу от героического пафоса в сторону более реалистичного и психологически достоверного изображения войны и её последствий. На основе сравнительно-типологического анализа устанавливаются генетические и типологические связи, демонстрирующие как универсальность темы человеческой стойкости, так и её специфическую культурную интерпретацию. Доказано, что произведения Ши Чжуншаня «Последний солдат», Лю Чжэня «Гимн герою» и Чжан Цзэши «Моя корейская война» демонстрируют генетическое родство с шолоховской поэтикой в аспектах антигероизации персонажей, кольцевой композиции и эстетики военной травмы. Доказана выраженная политическая цикличность процесса переводов и изучения: взрывной рост наблюдался в периоды дипломатического «медового месяца» (вторая половина 1950-х, середина 1980-х, начало 2000-х), сменяясь замедлением при охлаждении отношений. Сделан вывод о том, что такая специфика рецепции наглядно иллюстрирует симбиоз литературной коммуникации и геополитики в рамках сравнительного литературоведения.

Ключевые слова:

рецепция русской литературы; китайская военная проза; Михаил Шолохов; *Судьба человека*; военная травма в литературе.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the influence of Mikhail Sholokhov's short story "The Fate of a Man" on the development of Chinese military fiction. The study identifies three distinct phases in the story's reception within Chinese literary scholarship: an initial period of ideological appropriation, a subsequent phase of diminished interest, and a more recent stage of nuanced critical analysis. The author argues that Sholokhov's work profoundly influenced the formation of a new "little man" archetype in Chinese war prose, fostering a re-evaluation of the theme of suffering and a departure from heroic pathos toward a more realistic and psychologically nuanced portrayal of warfare and its aftermath. Through a comparative typological analysis, the article establishes both genetic and typological connections, highlighting the universality of the theme of human resilience as well as its culturally specific interpretations. The analysis demonstrates that the works "The Last Soldier" by Shi Zhongshan, "Hymn to a Hero" by Liu Zhen, and "My Korean War" by Zhang Zeshi exhibit a genetic kinship with Sholokhov's poetics, particularly in their anti-heroic characterization, use of circular narrative structure, and the aesthetics of war trauma. Furthermore, the study reveals a distinct political cyclicality in the patterns of translation and scholarly engagement, characterized by surges of interest during periods of diplomatic rapprochement — such as the late 1950s, mid-1980s, and early 2000s — followed by declines during times of bilateral tension. The author concludes that this specific pattern of reception vividly illustrates the symbiotic relationship between literary communication and geopolitics within the framework of comparative literature.

Key words:

Reception of Russian literature; Chinese military fiction; Mikhail Sholokhov; *Fate of a Man*; war trauma in literature.

УДК 821.161.1Шолохов.07+821.581

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-317-343

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы

народов Российской Федерации

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.3. Теория литературы

Рецепция рассказа «Судьба человека» Михаила Шолохова в китайском литературоведении

© Лин Цзе, 2025

1. Введение = Introduction

В современном литературоведении проблема межкультурного диалога приобретает особую актуальность, что обусловлено как процессами глобализации, так и необходимостью осмысления исторического опыта взаимодействия различных национальных литератур. Одним из значимых аспектов этого диалога является рецепция зарубежных произведений, которая неразрывно связана с социокультурным и политическим контекстом принимающей стороны. Настоящее исследование посвящено изучению эволюции восприятия рассказа М. А. Шолохова «Судьба человека» в Китае на протяжении значительного исторического периода (1950-е — начало XXI века), отмеченного радикальными изменениями в советско-китайских политических отношениях. Научная проблема, стоящая перед исследователем, заключается в изучении влияния динамики отношений (например, перехода от сотрудничества к конфронтации и последующего восстановления) на рецепцию, интерпретацию и литературоведческий анализ литературного произведения в китайском литературоведении. Фокус исследования направлен на раскрытие взаимосвязи между политической конъюнктурой и эволюцией литературной критики, включая трансформацию подходов к оценке идейного содержания, художественных особенностей и культурной значимости «Судьбы человека».

Несмотря на то, что отдельные аспекты рецепции рассказа в Китае уже освещались в работах китайских литературоведов (например, Лю Сянвэнь, Сунь Мэйлин и др.; в частности, рассматривались вопросы периодизации (расцвет, спад, восстановление интереса) и идеологическая направленность оценок в разные периоды), комплексное изучение этой проблемы все еще содержит значительные пробелы.

Во-первых, недостаточно изучена роль конкретных политических событий, прежде всего советско-китайского раскола 1960-х годов, в транс-

формации литературной критики и, как следствие, в восприятии рассказа. Отсутствуют комплексные исследования, объединяющие анализ текста, архивных документов, включая материалы китайской цензуры и партийной печати и сравнительные аспекты с современной ему китайской прозой. В частности, мало внимания уделено анализу изменений в переводах (например, Цао Ина) и сопоставлению их с оригиналом, чтобы выявить, каким образом произведение было адаптировано к китайской культурной идентичности и идеологической конъюнктуре.

Во-вторых, проблема находится на стыке литературоведения, истории международных отношений и культурологии, что расширяет ее научную значимость и обеспечивает междисциплинарный потенциал.

В-третьих, актуальность исследования усиливается в свете новых вызовов в российско-китайских культурных связях, где опыт прошлого может служить уроком для избежания идеологических перегибов и выстраивания более устойчивого и взаимовыгодного диалога.

По сравнению с предыдущими работами автора, посвященными общему обзору переводов советской литературы в Китае, анализу рецепции Шолохова только в первоначальный период и изучению литературных особенностей «Судьбы человека» вне контекста её культурной адаптации в Китае, данное исследование отличается существенной новизной.

Во-первых, впервые применяется синтез текстуального анализа, историко-политического контекста — с привлечением ранее не изученных архивных материалов о публикациях и цензурной политике в отношении советской литературы — и сравнительного подхода, предполагающего проведение параллелей с китайской военной прозой 1950-х годов, например, с творчеством Лю Чжэня, Ши Чжуншаня и Чжан Цзэши. Во-вторых, вносится концептуальный вклад в изучение темы за счет систематизации данных, выделения трёх этапов рецепции с акцентом на их политической обусловленности — в частности, критики «ревизионизма» Шолохова в 1960-е годы как отражения антисоветской риторики Мао — и анализа роли перевода Цао Ина в формировании канонического восприятия повести, например, через смягчение «неудобных» эпизодов для соответствия китайской идеологии.

Таким образом, в отличие от прежних работ, настоящее исследование впервые охватывает все три этапа рецепции, учитывает не только литературоведческие, но и политические источники, включая архивы, речи лидеров Коммунистической партии Китая (КПК), и проводит сравнительные параллели с китайской военной прозой, выявляя взаимовлияние культур.

Данное исследование вносит вклад в понимание влияния политической ситуации на восприятие иностранной литературы. Его результаты мо-

гут оказаться полезными при анализе текущих культурных обменов между Россией и Китаем, а также при изучении идеологизированной критики в историческом контексте.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных рецепции рассказа «Судьба человека» М. Шолохова в Китае (они включают более ста работ, таких как труд Сунь Мэйлин «О творчестве Шолохова»), большинство из них сосредоточено на общих вопросах восприятия, идеологических интерпретациях и сравнительном анализе творчества писателя. Вопрос о конкретных механизмах и формах влияния рассказа «Судьба человека» на творчество китайских писателей, обращавшихся к военной тематике, остается практически неизученным. В частности, недостаточно исследовано, как шолоховские идеи и образы трансформировались в контексте китайской революционной эстетики. Это проявляется в таких произведениях, как «Гимн герою», где наблюдается трансформация шолоховского гуманизма в рамках революционной эстетики, «Последний солдат» с его смещением акцента на психологические последствия войны, а также «Моя корейская война», где предлагается деидеологизированный взгляд на войну и фатализм.

Данное исследование, опирающееся на сравнительно-типологический метод, в частности на принципы сопоставительного анализа А. Н. Веселовского и В. М. Жирмунского, позволит выявить как общие черты, унаследованные китайскими авторами от Шолохова, так и уникальные особенности, обусловленные спецификой китайской истории и культуры. Это внесет вклад в понимание процессов межкультурного взаимодействия в литературе. Исследование базируется на произведениях Лю Чжэня, Ши Чжуншаня, Чжан Цзэши и других китайских писателей второй половины XX — начала XXI века, а также на критической и литературоведческой литературе, посвященной анализу этих произведений и творчества М. А. Шолохова, включая работы Си Пэйцю, Ван Гоуха и Ли Цзябао.

Для достижения цели применяется комплексный методологический подход, сочетающий элементы историко-литературного, сравнительно-типологического и генетического анализа. Это позволит проследить динамику восприятия творчества Шолохова в Китае и выявить конкретные факты заимствования и трансформации его мотивов, образов и приемов китайскими писателями. В отличие от предшествующих исследований, сосредоточенных на общих вопросах влияния, данная работа ставит задачей выявить конкретные примеры заимствования и трансформации шолоховских идей и образов в китайской военной прозе. Такой подход углубит по-

нимание механизмов межкультурного диалога и вклада русской литературы в развитие китайской культуры.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1 Перевод рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека»

1950-е годы, период активного политического, экономического и культурного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом, часто называемый «медовым месяцем» [Кун Ханьби, 2004, с. 150.], ознаменовались широким распространением советской литературы в Китае. Шолохов как один из наиболее идеологически выдержанных и признанных советских писателей, воспевающий героизм советского народа и верность коммунистическим идеалам, был представлен китайскому читателю почти сразу по появлении его книг.

1 января 1957 года советская газета «Правда» опубликовала, приурочив к новогодним праздникам, новый рассказ Шолохова — «Судьба человека». Китайский журнал «Освободительная армия литературы и искусства» (解放军文艺报) принял решение о публикации произведения.

Однако, узнав, что переводчик Цао Ин уже начал работу над переводом и планирует опубликовать его в журнале «Переводы» (译文报), журнал «Освободительная армия литературы и искусства» организовал оперативную группу, которая в спешке перевела произведение и опубликовала китайский перевод «Судьбы человека» 16 марта 1957 года под редакцией учёного Го Баоцюаня (戈保全). Вскоре после этого, 1 апреля, журнал «Переводы» опубликовал перевод Цао Ина.

В сентябре того же года издательство «Новая литература и искусство» (新文艺出版社) выпустило отдельным изданием перевод «Судьбы человека», выполненный Цао Ином. Этот перевод, отличавшийся точностью и бережным отношением к авторскому стилю, вскоре завоевал признание читателей и критиков.

В 1960-е годы, с ухудшением советско-китайских отношений, распространение советской литературы в Китае было ограничено. Тем не менее «Судьба человека» Шолохова, благодаря своим высоким художественным достоинствам и гуманистическому послы, продолжала циркулировать в определённых кругах. В этот период новых переводов было немного, однако ранние переводы (например, перевод Цао Ина) продолжали распространяться в узких кругах или среди определённых читательских групп.

В 1980-е годы, с началом политики реформ и открытости в Китае, перевод и публикация зарубежной литературы вновь активизировались. Советская литература вновь привлекла внимание, и «Судьба человека» была

переведена и опубликована заново. В 1980-х годах перевод Цао Ина был переиздан и стал одним из самых авторитетных китайских переводов. В то же время другие переводчики представили новые версии. Стремясь адаптировать произведение к изменившимся вкусам и культурным запросам, они использовали более современный язык и стилистические приемы. В октябре 1981 года газета «Иностранная литература» (外国小说报) опубликовала перевод Сюй Чанханя (徐昌汉); в октябре 1985 года пекинское издательство «Синьхуа» (北京新华出版社) выпустило перевод Малуншаня (马龙闪) и др.; в 1996 году сычуаньское издательство «Литература и искусство» (四川文艺出版社) опубликовало перевод Фэн Цзя (冯加) и др. (табл.).

В XXI веке, с увеличением разнообразия в переводе и публикации зарубежной литературы в Китае, перевод Цао Ина по-прежнему остаётся основным вариантом, что свидетельствует о его высоком качестве и устойчивой популярности среди китайских читателей.

Таблица

Издания и публикации «Судьбы человека» в Китае

Год	Переводчик	Издательство	Книга, сборник, журнал или газета, в котором был опубликован рассказ «Судьба человека»
1957	Го Баоцюань (戈保全)	Неизвестно	«Освободительная армия литературы и искусства» (解放军文艺)
1957	Цао Ин (草婴)	Неизвестно	«Переводы» (译文)
1957	Цао Ин (草婴)	«Новая литература и искусство» (新文艺出版社)	Неизвестно
1981	Цао Ин (草婴)	«Народное издательство Аньхой» (安徽人民出版社)	«Советское искусство и литература» (苏联文艺)
1981	Цао Ин (草婴)	«Народное издательство Аньхой» (安徽人民出版社)	«Избранные рассказы современного мира» (现代世界短篇小说选)
1981	Сюй Чанхань (徐昌汉)	«Народное издательство искусства и литературы» (人民文艺出版社)	«Иностранная литература» (外国小说报)
1984	Цао Ин (草婴)	«Китайское издательство кино» (中国电影出版社)	«Сборник сценариев зарубежных фильмов» (外国电影剧本丛刊)
1985	Ма Луншань (马龙闪)	«Пекинское издательство Синьхуа» (北京新华出版社)	«Рассказы Шолохова» (肖洛霍夫短篇小说)
1986	Цао Ин (草婴)	«Пекинское издательство» (北京出版社)	«Сборник советских рассказов» (北京出版社)

Окончание табл.

Год	Переводчик	Издательство	Книга, сборник, журнал или газета, в котором был опубликован рассказ «Судьба человека»
1986	Ма Цзяхань (马加汉)	«Сычуаньское издательство литературы и искусства» (四川文艺出版社)	Неизвестно
2000	Цао Ин (草婴)	«Народное литературное издательство» (人民文学出版社)	«Собрание сочинений Шолохова» (肖洛霍夫文集)
2001	Цао Ин (草婴)	«Народное издательство» (人民文学出版社)	«Избранные повести и рассказы Шолохова» (肖洛霍夫中短篇文集)
2005	Цао Ин (草婴)	«Народное издательство и издательство «Восток» (人民出版社与东方出版社)	«Судьба человека» (一个人的遭遇)

Как видно из представленной выше таблицы, история переводов «Судьбы человека» в Китае ярко отражает исторические изменения в советско-китайском литературном обмене. Например, период расцвета переводов в 1950-е годы совпадает с периодом тесного сотрудничества между СССР и КНР, а возобновление интереса к Шолохову после 1979 года символизирует начало новой эпохи в отношениях между двумя странами. От первых переводов в 1950-е годы до повторного распространения и возрождения интереса к рассказу после внедрения политики реформ и открытости и затем вплоть до XXI века, характеризующегося многообразием переводов и исследований текста, это произведение неизменно привлекает китайских читателей своими глубокими темами и трогательными отношениями, связывающими героев.

Среди многочисленных китайских переводов «Судьбы человека» версия Цао Ина (草婴) по праву считается классической [Чжао Минъи, 2008, с. 15]. Она отличается не только простотой, плавностью языка и точностью передачи оригинала, но и глубоким пониманием шолоховского стиля и русского менталитета. Цао Ин сумел передать дух эпохи, трагизм судьбы Андрея Соколова и его непоколебимую веру в жизнь, сделав образ главного героя особенно близким и понятным китайским читателям.

Цао Ин, автор перевода, получившего широкое признание как наиболее точный и во многом определивший восприятие повести в Китае, в отличие от более поздних адаптаций стремился максимально сохранить оригинальный стиль Шолохова: лаконичность, эмоциональность и народ-

ность. Для этого использовался ряд идиоматических выражений, передающих тот же дух и колорит. При этом переводчик акцентировал внимание на теме моральной стойкости и преданности долгу, что отражает особенности китайского культурного восприятия.

3.2. Критика и исследования рассказа «Судьба человека» Михаила Шолохова в Китае

Вскоре после публикации китайского перевода рассказа «Судьба человека» (16 марта 1957 года в журнале «Освободительная армия») в китайской прессе появились первые рецензии, что свидетельствовало о росте интереса к новому произведению Шолохова и его особой актуальности для китайского читателя, переживавшего период социальных преобразований и искавшего новые образцы для подражания.

Статья Чжан Лиюня «Читая новое произведение Шолохова — “Судьба человека”», опубликованная 20 марта в газете «Гуанмин жибао», отмечала реалистичность созданного Шолоховым образа обычного русского человека: «Выдающийся писатель Михаил Шолохов создал исключительно реалистичный образ обычного русского человека. Андрей Соколов — типичный представитель современной России, и его судьба — это судьба советского человека» [Фан Шуминь, 1957, с. 18—25]. Реалистичность изображения и типичность героя стали ключевыми моментами, привлечшими внимание китайских критиков, которые, в силу идеологического контекста, стремились видеть в Соколове воплощение идеального советского человека, преданного коммунистическим идеалам и способного на любые жертвы ради Родины.

Чжан Лиюнь (张立芸), будучи литературоведом, видела в Соколове пример для подражания, воплощение идеального советского человека [Чжан Цзюнь О, 1990, с. 8—11]. В своей работе Ду Лицзюнь (杜黎芸), также специалист в области литературоведения, сосредоточился на анализе художественных особенностей произведения, подчеркнув, что Шолохов «благодаря глубоким наблюдениям и обобщениям смог продемонстрировать политическую страсть и жизненную правду, искусно соединив личную судьбу героя с судьбой эпохи» [Ду Лицзюнь, 1957, с. 16—18]. В отличие от Чжан Лиюня, Ду Лицзюнь акцентирует внимание на художественном мастерстве Шолохова, рассматривая, как автору удалось создать глубокий и правдивый образ эпохи через изображение личной трагедии. Он подчеркивает важность не только содержания, но и формы произведения, отмечая гармоничное сочетание реалистичности и эмоционального воздействия, достигаемое благодаря использованию простых и понятных образов, искреннему тону повествования и умению автора передать чувства и переживания своего героя.

Сопоставление этих отзывов демонстрирует, что китайские литературные критики и ученые в первую очередь оценивали «Судьбу человека» с точки зрения идеологии и эстетики, обращая внимание как на правдивость изображения, так и на тесную связь личной судьбы героя с историческим контекстом.

В 1970-е годы политический разрыв между Китаем и Советским Союзом привел к резкому ослаблению и свертыванию культурных связей между двумя странами. С началом «культурной революции» в Китае советская литература, включая творчество Шолохова, стала объектом тотального отрицания. Судьба Шолохова в этот период служит ярким примером того, как политические факторы влияют на восприятие и оценку творчества писателя. Средства массовой информации, отражая официальную идеологию, развернули кампанию по дискредитации Шолохова, стремясь исказить и демонизировать его образ. Например, в газете «Жэньминь жибао» (人民日报) была опубликована статья, где Нобелевская премия, присужденная Шолохову, была названа «наградой для западных писателей и восточных предателей» [Цай Хуэй, 1966, с. 7], а самого писателя обвиняли в оппортунизме и предательстве. По мнению авторов статьи, Нобелевский комитет намеренно выбирал тех русских писателей, которые враждебно относились к коммунизму и Октябрьской революции.

Под влиянием «Культурной революции» на Шолохова был навешен ярлык «основоположника советской ревизионистской литературы» [Лю Сянвэнь, 2014, с. 88]. Его имя практически исчезло из публикаций того периода.

Чжоу Цзинло, видный идеолог эпохи «культурной революции», рассуждая о рассказе «Судьба человека», обвинял Шолохова в искажении подлинного характера народной войны, которая велась под верховным командованием Сталина, указывая на недостаточное внимание к массовому героизму советских солдат и чрезмерный акцент на личных страданиях и трагедии, что, по мнению критика, принижало роль партии и вождя в победе над фашизмом. Тем самым Шолохов, по мнению критика, подыгрывал «хрущевской группе предателей» [Цай Хуэй, 1966, с. 7], пытавшихся дискредитировать сталинское наследие и подорвать основы социализма.

Н. С. Хрущев, чье имя в Китае стало синонимом ревизионизма из-за его критики культа личности Сталина и отказа от жесткой линии в международной политике, высоко оценивал таких писателей, как Шолохов, считая, что их творчество «свидетельствует об их преданности великой правде советской жизни» [Вэнь Ян, 1975, с. 6—12]. Такая оценка, в условиях господства маоистской идеологии, служила дополнительным аргументом в пользу дискредитации Шолохова, чье творчество рассматривалось как

проявление ревизионистских тенденций и отступление от принципов социалистического реализма.

В этой абсурдной ситуации политическая оценка художественного произведения полностью вытеснила внимание к его эстетической ценности, а идеологические ярлыки составили основу оценки творчества писателя. Этот эпизод демонстрирует, как политическая конъюнктура и идеологическая борьба влияли на восприятие литературы в Китае в период «культурной революции», предопределяя негативное отношение к творчеству Шолохова.

В контексте китайской идеологии это было воспринято как доказательство враждебности Шолохова по отношению к революции. «Судьба человека» была объявлена «черным знаменем современного ревизионизма» [Ци Сюэдун и др., 1966, с. 16—20], а Шолохова обвиняли в пропаганде пацифизма, отрицании революционных войн, прославлении предателей и трусов. Критике подвергалась и нарративная стратегия произведения. В частности, авторов возмущало изображение Шолоховым мирной и счастливой жизни Соколова, а также его милой и нежной семейной жизни, что, по их мнению, приводило к игнорированию необходимости революционной войны. Этот прием был квалифицирован как направленный против революции, поскольку героизировал «частную жизнь» в ущерб общественным интересам.

Следовательно, критика Шолохова в период «Культурной революции» была обусловлена не только ухудшением советско-китайских отношений, но и идеологическими противоречиями между двумя странами в области литературы и искусства. Это было не случайностью, а закономерным следствием смены политического курса и пересмотра ценностей, что привело к отторжению всего, что ассоциировалось с Советским Союзом, включая его культуру и литературу.

После завершения «Культурной революции» в КНР начался процесс политической реабилитации и восстановления правовых норм, что способствовало развитию независимых научных исследований. В результате с 1990-х годов в китайской литературоведческой критике наблюдается активизация изучения творчества М. А. Шолохова.

В указанный период было опубликовано около шестидесяти научных статей, в которых основное внимание уделялось разностороннему анализу рассказа «Судьба человека».

Тематика и идейное содержание рассказ «Судьба человека» получили разнообразные интерпретации от литературных критиков. Некоторые исследователи утверждают, что основное внимание в произведении акцентируется на осмыслении последствий войны, а не на её изображении, что

проявляется в авторском сочувствии к жертвам Великой Отечественной войны и преобладании печали над пафосом [Сунь Мэйлин, 1982, с. 261]. Другие, напротив, указывают на доминирование пессимистических настроений и отчаяния в тексте [Чжоу Чэнъянь, 1998, с. 156—163]. Тем не менее существует мнение, что трагизм повествования не влечет за собой абсолютный пессимизм благодаря присутствию героических мотивов [Хэ Маочжэн, 1989, с. 84—90]. В результате анализа концепции «пропаганды пацифизма» [Цай Хуэй, 1966, с. 7] возникает вывод о том, что Шолохов не отвергает войну в абсолютном смысле. Следовательно, проблемное поле повести не сводится к антивоенной критике, а обретает философскую глубину, где судьба рядового человека, Андрея Соколова, трансформируется в универсальный символ человеческого существования в экстремальных условиях военного времени.

Одна группа исследователей утверждает, что произведение пронизано авторским оптимизмом, в то время как другая настаивает на доминировании пессимистических мотивов. Эти разногласия объясняются различным восприятием начала и финала повести. Например, описание теплой весенней природы на Дону в начале рассказа может быть интерпретировано как создание оптимистического фона для последующей трагедии. В противовес этому, некоторые исследователи считают, что мрачное и меланхоличное настроение пронизывает повествование с самого начала.

Аналогичные споры касаются и окончания произведения: одни видят в нем оптимизм, когда Соколов, преодолевая невзгоды, находит новую надежду, в то время как другие акцентируют разрушительное воздействие ужасов войны на человеческую психику.

Сюй Инь, рассматривая эти трактовки с эстетической точки зрения, подчеркивает, что обе позиции имеют общий недостаток: разделение эстетического эффекта трагедии на трагическое и возвышенное, что приводит к односторонним выводам о пессимистической или оптимистической направленности произведения. Она утверждает, что великое трагическое произведение, с эстетической точки зрения, должно отражать как страдания, так и сопротивление героя перед лицом трагических обстоятельств [Сюй Инь, 1995, с. 83—86].

Китайские исследователи Шолохова также уделяют внимание художественным особенностям «Судьбы человека». В литературоведческой критике отмечается новаторское осмысление военной тематики как наиболее значительное художественное достижение повести наряду с созданием «образа простого человека социалистической эпохи» [Ли Цзябао, 1994, с. 16—25], представляющего собой своеобразный гимн человеческому величию.

Повесть отличается четкой композиционной структурой, включающей пролог, основное повествование и эпилог, что соответствует принципу «рассказа в рассказе» [Чжан Цзюньоу, 1990, с. 57—62]. При этом пролог и эпилог занимают сравнительно небольшую часть текста (около одной пятой), а основное содержание составляет монолог Соколова. Отмечается сочетание авторского повествования, лирических отступлений и драматического монолога, а также «гармоническая и ритмическая целостность» [Дай Пинцзи и др., 1982, с. 7—12], основанная на «симметрии и уравновешенности» [Мо Цзяли, 1993, с. 18—21].

Китайский литературовед Мэн Фаньхун, анализируя композицию, подчеркивает символичность названия, имен, пейзажа и переплетение явных и скрытых линий, трансформирующих авторское видение в косвенном изображении войны, создании образа героя, сочетающего обыденность и величие, а также в оптимистической интерпретации трагической темы [Мэн Фаньхун, 2012, с. 61—64]. Среди других особенностей выделяют разнообразие языковых средств, точность деталей, выразительность портретов, пейзажей, гуманизм и трагикомическое сочетание.

Однако китайские исследователи отмечают и недостатки, такие как элементы натурализма и сентиментальности в изображении войны, недостаточная проработка темы народной поддержки [Хэ Маочжэн, 1979, с. 32—35], а также идеологическая тенденциозность и нивелирование роли государства и партии [Бай Чжаоцин, 1985, с. 4—10]. Подчеркивается смещение акцента на трагедию Соколова при слабом освещении подвига народа, а также недостаточное развитие авторского идеала и эстетической выразительности, выдвигается тезис о недостоверности отдельных эпизодов и непоследовательности автора в создании образа героя [Чжоу Чэньян, 1998, с. 15—21].

Сопоставительные исследования рассказа «Судьба человека» с произведениями китайских авторов стали важным направлением в литературоведении. Текст оказал значительное влияние не только на советскую, но и на мировую военную литературу, а также на развитие военной прозы в Китае нового времени.

Ван Гохуа, известный исследователь творчества Шолохова, проводя параллели между «Судьбой человека» и романом Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен», концентрируется на общих чертах, знаменующих отход от традиционных канонов военной литературы, а именно отказ от героического изображения войны, прославления подвигов и идеализации солдат, что ознаменовало появление новых эстетических идеалов [Ван Гохуа, 1987, с. 12—18]. Отмечаются такие черты, как изображение трагического опыта простых людей, психологических последствий трав-

мы и реалистичное описание жестокости войны. Оба произведения сосредоточены на внутреннем мире человека, авторы отказываются от пафоса и батальных сцен.

Различия в художественном методе двух выдающихся писателей, Шолохова и Ремарка, наглядно отражают их расхождение в понимании трагизма войны. Шолохов, в отличие от Ремарка, использует сдержанный психологизм, в котором немногочисленные реплики и поступки его персонажа, Андрея Соколова, выступают словно верхушка айсберга, скрывая за собой неизмеримую глубину душевной боли. Такой подход предоставляет читателю возможность самостоятельно домыслить и прочувствовать все переживания героя.

В качестве примера можно привести эпизод, когда Соколов отказывается пить за победу немецкого оружия: «Чтобы я, русский солдат, да стал пить за победу немецкого оружия?» Э. М. Ремарк использует более экспрессивные и натуралистичные приемы, безжалостно обнажая перед читателем весь ужас войны и невыносимые страдания умирающего Кеммериха. Его герои, в отличие от шолоховского Соколова, часто предстают пассивными жертвами обстоятельств, практически неспособными активно бороться за свое счастье и в конечном итоге утрачивающими веру в будущее.

В качестве примера можно привести отчаянный вопль одного из героев, наблюдающего за умирающим товарищем: «Раздевшись, Франц Кеммерих становился маленьким и тоненьким, как ребенок. И вот он лежит передо мной, — как же так? Надо бы провести мимо этой койки всех, кто живет на белом свете, и сказать: это Франц Кеммерих, ему девятнадцать с половиной лет, он не хочет умирать. Не дайте ему умереть!» В этом крике отчаяния, по мнению критика, отражается бессилие человека перед лицом войны, его полная зависимость от безжалостной судьбы.

Таким образом, принципиально разный подход к изображению человека на войне позволяет и Шолохову, и Ремарку создать два противоположных, но одинаково сильных образа, которые отражают различные аспекты влияния войны на личность и разные способы преодоления полученной травмы.

3.3. Влияние рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека» на китайскую военную прозу

Творческая позиция Михаила Шолохова, заключающаяся в осмыслении истории через призму судеб простых людей, оказала мощное влияние на китайскую литературную среду. Это влияние, проявившееся в генетической и типологической связи, особенно заметно в китайской военной прозе нового периода, включая как военную прозу и романы-рефлексии, так и реалистическую прозу 1990-х годов. В данной работе, опираясь на сравнительно-ли-

тературоведческие теории А. Н. Веселовского и В. М. Жирмунского, будет проведен анализ сходств и различий между «Судьбой человека» Шолохова и их китайскими аналогами, такими как «Гимн герою» Лю Чжэня, «Последний солдат» Ши Чжуншаня и «Моя корейская война» Чжан Цзэши, чтобы выявить конкретные особенности этого влияния и вклад в будущие исследования. Анализ творчества Шолохова и его рецепции в Китае не только закладывает прочный фундамент для будущих международных литературоведческих исследований, но и вносит ценный вклад в развитие российско-китайского сравнительного литературоведения.

Роман Лю Чжэня «Гимн герою» от первого лица повествует о взрослении девушки-солдата Цинлянь и её боевого товарища Чжан Юйкэ, начиная с участия в «детской команде» и заканчивая Освободительной войной между Коммунистической партией Китая и Гоминьданом. В огне войны между ними зарождается любовь, и в итоге Чжан Юйкэ своей жертвой создает величественный гимн жизни революционера, возвышая юношескую любовь до трогательной поэмы о любви к родине.

Роман Ши Чжуншаня «Последний солдат» рассказывает историю Китайско-японской войны с точки зрения простого солдата, описывая верность, храбрость и непоколебимость солдат, а также глубокое воздействие войны на жизнь простых людей.

«Моя корейская война» Чжан Цзэши — это мемуары, основанные на личном опыте автора, описывающие жестокость войны, героизм солдат и жизнь в лагере для военнопленных, а также глубокие воспоминания и размышления о Корейской войне.

Теория «исторической поэтики» А. Н. Веселовского, акцентирующая внимание на происхождении, развитии и распространении литературных тем, сюжетов и образов [Веселовский, 1989, с. 100], позволяет выявить в китайской военной прозе («Гимн герою», «Последний солдат» и «Моя корейская война») рецепцию художественной модели шолоховской повести «Судьба человека». Эти генетические связи проявляются в заимствовании и трансформации образов, нарративных стратегий, антивоенной тематики и трагического тона, адаптированных к китайскому культурному и историческому контексту.

Влияние «Судьбы человека» М. Шолохова на произведение «Гимн герою», если основываться на учении Веселовского о «бродячих сюжетах» [Веселовский, 1872] и «мотивах» [Там же] как элементах литературной традиции, заметно в нескольких аспектах.

Образ Андрея Соколова, с его сочетанием стойкости и человечности, послужил отправной точкой для создания многогранных образов в «Гимне герою». Однако, в отличие от шолоховского акцента на личной трагедии,

внутренний мир героев в «Гимне герою» подчинен идее служения революции и народу.

Эта трансформация проявляется в том, что потеря семьи, будучи для Соколова личной трагедией, становится для Цинлянь стимулом к еще более активной борьбе за идеалы коммунизма. Это соответствует принципам китайской революционной эстетики, где личное подчинено общественному, а страдания во имя революции возвышают человека.

Так, после потери Чжан Юйкэ, Цинлянь продолжила его дело — коммунистическую борьбу, поднимая боевой дух солдат в агитбригаде. Она сдерживает обещание, данное любимому: дождавшись окончания Освободительной войны и объединения родины, едет в Пекин, чтобы сфотографироваться на фоне площади Тяньаньмэнь.

В отличие от Соколова, одинокого в своей борьбе с несправедливостью, Чжан Юйкэ чувствует себя частью коллектива, объединенного общей целью. Именно эта идея коллективизма и служения революции, унаследованная Лю Чжэнем от Шолохова, в частности, от его концепции роли народа в истории, но трансформированная в соответствии с китайскими коммунистическими идеалами, определяет особенности изображения героя в «Гимне герою», где личные переживания отходят на второй план.

Шолохов использовал ретроспекцию для глубокого изображения индивидуальной травмы и переживаний «маленького человека» на войне [Николукина, 2001, с. 464]. Детализация описаний, переживаний и исповедальная тональность позволяют читателю не просто узнать о событиях из жизни Соколова, но и пережить их, ощутить боль, потерю и отчаяние. В «Гимне герою» эта структура переосмысливается: личные воспоминания служат не раскрытию индивидуальной трагедии, а укреплению связи личного опыта с общей целью революции. Например, рассказ о подвиге комбата Чжан Юйкэ призван вдохновить на подвиги во имя революции, показать, что его жизнь отдана во имя высокой цели.

В отличие от Шолохова, авторы «Гимна герою» — в силу идеологических установок и задач революционной пропаганды — отказались от психологической глубины, сосредоточившись на создании героического образа советского воина, готового на любые жертвы ради коммунизма. Воспоминания стали инструментом идеологической цельности, а не психологической глубины. Шолоховский гуманизм фокусируется на цене войны для личности, на сломанной судьбе человека. В «Гимне герою» антивоенный пафос преобразуется в философское осмысление истории, где индивидуальная жертва — часть общего героизма и вклада в победу революции. Скорбь и сострадание отступают перед идеей «бессмертия революционного духа» [Лю Сянвэнь, 2014, с. 242] и верой в продолжение борьбы.

Хотя влияние «Судьбы человека» и ощутимо в использовании ретроспекции и антивоенного пафоса, направленность этого влияния претерпевает существенные изменения. Если Шолохов использует эти элементы, чтобы подчеркнуть трагизм индивидуальной человеческой судьбы, сложенной войной, то в «Гимне герою» они подчиняются задаче создания героического эпоса, прославляющего революцию и жертвенность во имя её идеалов, что отражает стремление китайской литературы того времени к созданию позитивного образа героя, готового отдать жизнь за светлое будущее. Эта трансформация, однако, не умаляет значения шолоховского наследия, а лишь свидетельствует о его способности адаптироваться к различным культурным и идеологическим контекстам, доказывая универсальность и непреходящую ценность его гуманистических идеалов.

Сравнительное исследование «Судьбы человека» и «Последнего солдата» раскрывает не только типологическое сходство в обращении к теме войны и судьбе «маленького человека» [Там же], но и глубокие различия, обусловленные спецификой социокультурного контекста и авторского видения. По нашему мнению, это позволяет проследить важные этапы эволюции военной прозы XX века — от психологизма и акцента на индивидуальной трагедии к социологизму и исследованию влияния исторических событий на судьбу целого поколения.

Основываясь на теории Веселовского, можно утверждать, что между двумя произведениями существует заметная генетическая связь. В тематическом плане «Последний солдат» наследует от «Судьбы человека» внимание к судьбе «маленького человека» и дегероизацию изображения войны. Однако наблюдается и трансформация: происходит смещение внимания с непосредственных физических страданий, характерных для Шолохова, на долгосрочное влияние послевоенной травмы и от поиска индивидуального спасения к изображению беспомощности и растерянности личности перед лицом трагической эпохи. Полагаем, что это отражает эволюцию восприятия войны и ее последствий в китайской культуре. В нарративном режиме оба произведения выбирают в качестве центра повествования судьбу главного героя, используя трагический колорит для передачи боли и безысходности войны. Однако в произведении «Последний солдат» Чжан Цзэши стремится к более широкому социальному контексту и социальной критике, нежели к индивидуализированному эмоциональному выражению, что свидетельствует о сдвиге от психологизма к социологизму в литературе и о стремлении понять войну как социальное явление.

Оба произведения представляют образы обычных солдат. Соколов, несмотря на все испытания, сохраняет веру в жизнь и человечность, что отражает силу духа русского народа. Ван Цингуй, напротив, олицетворя-

ет пассивность и отчуждение, что, возможно, является отражением разочарования в идеалах прошлого и трагического раздробления китайского общества в XX веке.

С типологической точки зрения, в концепции В. М. Жирмунского, оба произведения принадлежат к жанру реалистической военной прозы, отвергая героический нарратив, представляя рефлексии о войне и показывая испытания человеческой природы. Кроме того, они демонстрируют типологическую черту «личная судьба и история» [Жирмунский, 1979, с. 150], тесно связывая индивидуальные переживания с масштабным историческим фоном.

Однако одновременно произведения иллюстрируют специфику межкультурного заимствования и локализации. «Последний солдат», усваивая литературные идеи «Судьбы человека», интегрирует китайский исторический контекст, в частности, тему «потерянного поколения» [Рабинович, 2019, с. 91], пережившего японскую оккупацию и гражданскую войну. Эта тема, в отличие от шолоховской веры в силу советского человека, пронизывает «Последнего солдата» чувством растерянности и утраты.

Кроме того, в произведение интегрированы культурные традиции, что придает ему уникальный стиль. Это проявляется, например, в использовании традиционных китайских мотивов, в частности, мотива верности долгу и неспособности вернуться домой, чтобы исполнить сыновний долг. Этот мотив, как показывает эпизод гибели роты и бесцельного скитания Ван Цингуя («Все бойцы роты погибли, в живых остался только командир роты Ван Цингуй, который, несмотря ни на что, продолжал выполнять свой долг и стремился найти свою часть»), воплощает конфуцианскую ценность «пожертвовать жизнью ради долга» [Там же].

Однако в контексте «Последнего солдата» эта ценность лишается героического пафоса и приобретает трагическое звучание, подчеркивая бессмысленность жертвы перед лицом разрухи и всеобщего страдания. Если Соколов находит утешение в новой семье, то Ван Цингуй остается один на один со своей травмой, что можно интерпретировать не только как проявление даосистской философии принятия неизбежности судьбы, но и как свидетельство глубокого духовного кризиса и утраты надежды, лишаящей его возможности обрести новую идентичность и оставляющей в состоянии отчуждения и безысходности.

Это особенно заметно в финале романа, где Ван Цингуй и его сошедшая с ума жена Сяо Лань безучастно сидят у могил четырнадцати боевых товарищей и своего сына, выпалывая свежую траву и без конца повторяя имя сына (Сяо Пан), что резко контрастирует с открытым финалом «Судьбы человека», вселяющим надежду, и подчеркивает трагический

разрыв с прошлым и глубокую травму, пережитую китайским обществом в XX веке.

В итоге, сопоставление этих произведений позволяет увидеть, как универсальные темы войны и человеческой стойкости преломляются сквозь призму различных культурных и исторических контекстов, формируя уникальное художественное своеобразие и раскрывая новые грани человеческого опыта.

Таким образом, «Судьба человека» послужила важным ориентиром для автора произведения «Последний солдат», который, унаследовав идеи предшественника о важности судьбы «маленького человека» на войне, углубил психологизм в изображении последствий травмы, сфокусировавшись на её экзистенциальных последствиях в повседневной жизни человека после возвращения к миру, что стало важным шагом в развитии китайской военной прозы и отражает особенности китайского исторического опыта, демонстрируя генетические и типологические связи в литературе, а также уникальность и творческий потенциал произведений в различных культурных контекстах.

В приложении литературных теорий А. Н. Веселовского и В. М. Жирмунского к произведениям Михаила Шолохова «Судьба человека» и Чжан Цзэши «Моя корейская война» выявляются значительные сходства и параллели в тематике, структуре повествования и образах персонажей, а также пути культурно-специфической адаптации инокультурного художественного объекта.

Тематически, под влиянием «Судьбы человека», Чжан Цзэши также фокусируется на глубоком влиянии войны на судьбы отдельных людей. Однако, в отличие от Шолохова, показывающего трагедию через призму короткого, но насыщенного событиями периода, Чжан Цзэши исследует долговременные последствия войны, растянувшиеся на всю жизнь, что отражает уникальную перспективу «потерянного поколения» [Рабинович, 2019] китайской литературы.

Как и Шолохов, Чжан Цзэши показывает, как война разрушает жизнь и достоинство «маленького человека» [Там же]. При этом если Соколов после всех испытаний находит в себе силы жить дальше и дарить тепло приемному сыну, то Чжан Цзэши, несмотря на возвращение на родину, ощущает себя отчужденным и неприкаянным.

Этот мотив «возвращения домой без дома» [Сян Цзин, 2018, с. 25—30], специфический для китайской культуры, свидетельствует о глубокой психологической травме, полученной в плену, и демонстрирует трансформацию шолоховского образа «стойкого человека» под влиянием китайской истории и философии.

Оба текста поднимают тему рефлексии, так как переосмысление трагического опыта войны, поиск виновных и пострадавших, а также попытки понять смысл произошедшего являются универсальной потребностью человечества, стремящегося осмыслить и преодолеть ужасы насилия.

В нарративной структуре, как отмечал Жирмунский, важную роль играют перспектива и организация повествования. «Судьба человека» сочетает нарратив от третьего лица с воспоминаниями Соколова от первого лица, что создает эффект объективного взгляда на трагедию и одновременно позволяет читателю глубоко проникнуть во внутренний мир героя, ощутить его боль и страдания. В «Моей корейской войне» используется линейное повествование от первого лица, что создает эффект непосредственности и личной вовлеченности, но при этом ограничивает возможность для более широкого исторического и социального анализа. Несмотря на различия в технике, оба произведения смещают фокус с героических клише традиционной военной литературы на судьбы обычных людей, однако если Шолохов акцентирует психологическое состояние Соколова и его внутреннюю борьбу, то Чжан Цзэши стремится к максимальной достоверности, детально описывая быт, лишения и жестокость плена, что позволяет читателю прочувствовать ужасы войны через призму личного опыта, а не через призму глубоких психологических переживаний. Это отражает разные подходы к изображению человека на войне: у Шолохова — трагедия личности, у Чжан Цзэши — трагедия поколения.

В образах персонажей Соколов и Чжан Цзэши воплощают тип «стойкого патриота» [Неёлов, 2001, с. 207—213], однако характер этой стойкости проявляется по-разному. Соколов демонстрирует непоколебимую гордость и верность Родине, открыто бросая вызов немецкому коменданту в плену (*Я было из его рук и стакан взял и закуску, но как только услышал эти слова, — меня будто огнем обожгло! Думаю про себя...*). Эта преданность также проявляется в его неоднократных попытках бежать из концлагеря и в его акте личной мести, когда после успешного побега он везет немецкого офицера в советский тыл [Шолохов, 2022, с. 10]. Чжан Цзэши проявляет стойкость в сохранении верности своим товарищам и в стремлении вернуться на родину после плена, что, однако, не исключает сомнений и разочарований.

Судьбы обоих героев отражают социальные ценности и исторический контекст их эпох. Соколов, несмотря на пережитые ужасы, остается верен советским идеалам и даже в плену не поступает своими принципами. Чжан Цзэши, в свою очередь, воплощает традиционные китайские ценности долга, чести и верности, дополненные новым пониманием патриотизма, основанным на любви к Родине и готовности к самопожертвованию, но при этом не чужд рефлексии и самоанализа.

Оба героя сталкиваются с послевоенной стигматизацией. Послевоенная судьба Соколова омрачена гибелью близких и одиночеством, однако он находит новый смысл в заботе о сироте Ване, что символизирует надежду на будущее. Чжан Цзэши, напротив, сталкивается с политическими обвинениями и социальной изоляцией, переживая годы унижений и борьбы за реабилитацию [Чжан Цзэши, 2000, с. 100].

В этом отношении их судьбы демонстрируют универсальную для человека способность к адаптации и выживанию, несмотря на травмы войны и несправедливость общества, что отражает фундаментальное стремление к жизни, свободе и счастью, которое преодолевает культурные и исторические границы, подтверждая идею Веселовского о литературной универсальности и способности мотивов передаваться от одной культуры к другой.

Влияние «Судьбы человека» на китайскую военную прозу, как демонстрируют произведения Лю Чжэня («Гимн герою»), Ши Чжуншаня («Последний солдат») и, особенно, Чжан Цзэши («Моя корейская война»), показывает механизмы «генетической» передачи идей, описанные Веселовским.

В то время как «Гимн героя и «Последний солдат» адаптируют шолоховский гуманизм, подчиняя изображение страдания задаче прославления революционных идеалов, «Моя корейская война» представляет более деидеологизированный взгляд на войну и её последствия. Чжан Цзэши, в отличие от Шолохова, описывает свой опыт плена прежде всего с позиций подавления личности сомнениями, разочарованиями и потерей веры в будущее, не стремясь показать сохранение верности идеалам.

Именно фокус на личной правде и отказ от идеализации сделали «Мою корейскую войну» прорывом в китайской военной прозе, долгое время находившейся под влиянием героического дискурса и идеологических установок. Подобная честность и открытость стали важным шагом к более глубокому и осмысленному пониманию войны и её последствий.

Автобиографизм повествования, с одной стороны, усиливает эмоциональную достоверность, а с другой — позволяет дистанцироваться от официального героического дискурса и представить более личный, психологически глубокий взгляд на войну, что можно интерпретировать как влияние даосской философии, которая, однако, не приносит Чжан Цзэши умиротворения и гармонии. Отвергая путь единения с природой и отказа от мирских страстей, он приходит к осознанию фатальной неизбежности страданий и человеческой беспомощности перед лицом судьбы, что проявляется, например, в эпизоде, где, столкнувшись с угрозой насильственного возвращения в лагерь, он, как и другие пленные, выражает готовность сражаться насмерть, не веря в возможность изменить свою участь: *Большие двери распахнулись. Несколько американских солдат уже подняли прикла-*

ды своих винтовок. Я немедленно крикнул лейтенанту: «Если вы посмеете силой затащить нас внутрь, мы будем сражаться насмерть, это вы уже знаете, и вся ответственность будет на вас!» [Чжан Цзэши, 2000, с. 38].

Таким образом, шолоховское наследие в Китае служит примером межкультурного диалога, где универсальные темы войны, судьбы и человечности обретают новое звучание благодаря синтезу с национальным опытом. Как подчеркивали А. Н. Веселовский и В. М. Жирмунский, литературные влияния не сводятся к простому заимствованию, а порождают гибридные формы, обогащающие как принимающую, так и исходную культуру.

4. Заключение = Conclusions

В Китае повесть «Судьба человека» была воспринята как предвестник «оттепели» в советской литературе второй половины 1950-х годов, знаменующей собой стремление к переосмыслению социальных проблем и критику бюрократизма [Сунь Мэйлин, 1982, с. 150.]. Произведение с его глубоким гуманистическим пафосом, вызвало широкий резонанс среди китайских читателей, увидевших в нем отражение трагической судьбы целого поколения и осуждение страданий, причиненных войной. Повесть не только приобрела глубокое типическое значение, но и стала символом памяти о тех, кто внес вклад в победу над фашизмом.

Данная статья систематизирует траекторию распространения и исследования «Судьбы человека» в Китае, выявляя глубинные взаимосвязи между историей её рецепции и динамикой советско-российско-китайских отношений. Исследование демонстрирует выраженную политическую цикличность процесса переводов и изучения: взрывной рост наблюдался в периоды дипломатического «медового месяца» (вторая половина 1950-х, середина 1980-х, начало 2000-х), сменяясь замиранiem при охлаждении отношений. Такая специфика рецепции наглядно иллюстрирует симбиоз литературной коммуникации и геополитики в рамках сравнительного литературоведения.

На уровне литературного влияния, опираясь на теорию исторической поэтики А. Н. Веселовского и концепцию генетических связей В. М. Жирмунского, статья выявляет глубинные интертекстуальные параллели между «Судьбой человека» и китайской военной прозой. Произведения Ши Чжуншаня «Последний солдат», Лю Чжэня «Гимн герою» и Чжан Цзэши «Моя корейская война» демонстрируют генетическое родство с шолоховской поэтикой в аспектах антигероизации персонажей, кольцевой композиции и эстетики военной травмы.

Исследование подтверждает, что «Судьба человека», будучи классикой гуманистической военной прозы XX века, не только стала важным ориен-

тиром модернизации китайской военной литературы, но и сама история ее рецепции превратилась в уникальную призму для анализа культурной дипломатии и взаимовлияния литератур Китая и России.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Москва : Высшая школа, 1989. — 307 с.
2. *Веселовский А. Н.* Славянские легенды о Соломоне и Китоврасе и Западные легенды о Морольфе и Мерлине / А. Н. Веселовский. — Москва : Типография В. Демакова, 1872. — 350 с.
3. *Николюкина А. Н.* Маленький человек / А. Н. Николюкина // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, Интелвак, 2001. — 1596 с. — ISBN 5-93264-026-X.
4. *Неелов М. М.* Великие и почитаемые предки русского народа символ любви и преданности родине / М. М. Неелов // Омский научный вестник. — 2001. — С. 206—214.
5. *Шмеман А.* Беседы на Радио Свобода / А. Шмеман. — Москва : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т. — 2009. — Т. 2. — 541 с. — ISBN 978-5-7429-0407-6.
6. *Ван Гохуа.* Новые горизонты в области военной литературы — сравнительный анализ Судьбы человека и На Западе без перемен / Ван Гохуа // Исследование зарубежной литературы. — 1987. — № 2. — С. 12—18 (王国华.军事文学领域的新拓展—〈一个人的遭遇〉和〈西线无战事〉之比较.//外国文学研究—1987.—№ 2.—12—18页).
7. *Бай Чжаоцин.* Краткое исследование повести Шолохова Судьба человека / Бай Чжаоцин // Сунляосюэкань. — 1985. — № 4. — С. 4—10 (白照芹.简论肖洛霍夫的〈一个人的遭遇〉.//松辽学刊.—1985.—№ 4.—С.4—10页).
8. *Вэнь Ян.* Критика Тихого Дона / Вэнь Ян // Венский Цзиньцзяньский педагогический университет. — 1975. — С. 6—10. (文扬.静静的顿河评论 // 晋江师范学院学报.—1975.—1975.—С.6—10页).
9. *Дай Пинци.* О триумфах и неудачах повести Судьба человека / Дай Пинци, Чжан Чжидун // Вестник Шаньсийского университета. — 1982. — С. 7—12. (戴屏吉,张志忠.论〈一个人的遭遇〉的成败得失.//山西大学学报—1982.—С. 7—12页).
10. *Ду Лицзюнь.* Об особенностях создания Судьбы человека / Ду Лицзюнь // Изучение литературы и искусства. — 1957. — № 5. — С. 16—18 (杜黎均.论〈一个人的遭遇〉的创作特色.//文艺学习.—1957.—№ 5.—С.16—18页).
11. *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1979. — 493 с.
12. *Калениченко О. Н.* Мифологема строительной жертвы в русской литературе XIX — XX вв. / О. Н. Калениченко // НАУКА — ИСКУССТВО — КУЛЬТУРА. — 2012. — С. 149—161.
13. *Кун Ханьбин.* Советско-китайские отношения и их влияние на социальное развитие Китая / Кун Ханьбин. — Пекин : Китайское международное издательство радиовещания, 2004. — С. 405 (孔寒冰.中苏关系及其对中国社会发展的影响—北京:中国国际广播出版社.—2004年,405页) .

14. *Ли Цзябао*. Философские вопросы о судьбе современного человечества — три исследования искусства повести Судьба человека / Ли Цзябао // Вестник Цзинчжоуского педагогического университета. — 1994. — № 3. — С. 16—25 (李嘉宝.现代人类命运的哲理叩问—〈一个人的遭遇〉艺术三论//荆州师范学院学报.—1994.—№ 3.—С.16—25页.).
15. *Лю Сянвэнь*. Шолохов в Китае / Лю Сянвэнь. — Пекин : Китайское издательство социальных наук, 2014. — 88 с (刘祥文.肖洛霍夫在中国//—北京.中国社会科学出版社.—2014.—285页).
16. *Лю Чжэнь*. Повесть Гимн героя / Лю Чжэнь. — Шицзячжуан : Народное издательство провинции Хэбэй, 1981. — 236 с (刘真.英雄赞歌 // 石家庄.河北人民出版社.—1981.—236页). ТОЧНО ТАК? МОЖЕТ, ЛЮ ЧЖЭНЬ?
17. *Мо Цзяли*. Русская симфония судьбы. размышления о Судьбе человека / Мо Цзяли // Гуандунские общественные науки. — 1993. — № 2. — С. 18—21 (莫嘉丽.俄罗斯命运交响曲—谈〈人的命〉) //广东社会科学.—1993.—№2.—18—21页.).
18. *Мэн Фаньхун*. Преобразование и формирование художественного видения в Судьбе человека / Мэн Фаньхун // Вестник Яньбяньского университета. — 2012. — № 1. — С. 61—64 (孟繁红.〈一个人的遭遇〉艺术创作视角的转换与生成//延边大学学报(社会科学版).—2012.—№1.—61—64页.).
19. *Рабинович В. С.* Черты литературы потерянного поколения в творчестве невоевавших писателей / В. С. Рабинович // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2019. — Т. 25. — № 2 (186). — С. 90—101.
20. *Си Пэйцю*. Сравнение романа гимния героя и Судьбы человека / Си Пэйцю // Вестник Цицикарского педагогического института. — 1986. — № 2. — С. 23—27 (奚佩秋.〈英雄的乐章〉与军事文学研究—兼比较〈英雄的乐章〉与〈一个人的遭遇〉//齐齐哈尔师范学院学报.—1986.—№ 2.—23—27页).
21. *Сунь Мэйлин*. О творчестве Шолохова / Сунь Мэйлин // Сборник статей по истории советской литературы. — Пекин : Издательство Иностранного языка и обучение, 1982. — 261 с. (孙美玲.论肖洛霍夫的创作.苏联文学史论文集//外语教学与研究出版社—1982.—261页).
22. *Сюй Инь*. Судьба человека. ещё одна вершина в творчестве Шолохова / Сюй Инь // Журнал Нанкинского педагогического университета. — 1995. — № 2. — С. 83—86.许茵.〈人的命〉.肖洛霍夫创作中又一丰碑//南京师范大学学报—1995.—№ 2.—83—86页).
23. *Сян Цзин*. Бездомные как литературный прием / Сян Цзин // Современный критик. — 2018. — С. 25—30 (项静.论无家可归作为一种文学手法.//当代文坛.—2018.—25—30页).
24. *Фан Шуминь*. Восхваление русского характера — читая Шолохова Судьба человека / Фан Шуминь // Китайская молодежная газета. — 1957. — С. 18—25 (房树民.俄罗斯性格的赞美—读肖洛霍夫〈一个人的遭遇〉.//中国青年报—1957.—18—25页).
25. *Хэ Маочжэн*. Два наброска к повести Судьба человека / Хэ Маочжэн // Исследования иностранных проблем. — 1989. — № 4. — С. 84—90 (何茂正.〈一个人的遭遇〉漫笔二题//外国问题研究—1989.—№ 4.—84—90页).
26. *Хэ Маочжэн*. Критика повести Шолохова Судьба человека / Хэ Маочжэн // Учёба и исследования. — 1979. — № 5. — С. 32—35 (何茂正.评肖洛霍夫〈一个人的遭遇〉.//学习与探索—1979.—№ 5.—32—35页).
27. *Цай Хуэй*. Истинное лицо предателя Шолохова / Цай Хуэй // Газета Народа. — 1966. — С. 6—8 (蔡辉.肖洛霍夫的叛徒真面目//人民日报.—1998.—№ 4.—156—163页).

28. *Ци Сюэдун*. Судьба человека — чёрное знамя современной ревизионистской литературы / Ци Сюэдун, Чжэн Цибин // Жэньминь жибао. — 1966. — С. 16—20 (齐学东、郑机兵. <一个人的命>——现代修正主义文学的黑旗. // 人民日报. — 1966. — 16—20页).

29. *Чжан Цзэши*. Моя корейская война / Чжан Цзэши. — Пекин : Издательство Шиши, 2000. — С. 100 (张泽石. 我的朝鲜战争. // 时事出版社 — 2000. — 238页).

30. *Чжан Цзюньюу*. Рассуждения о войне. оценка новаторства повести Судьба человека в советской военной литературе / Чжан Цзюньюу // Журнал зарубежной литературы. — 1990. — № 3. — С. 57—62 (张俊鸥. 战争沉思录. 评<一个人的命>在苏联军事题材文学中的开拓新意. // 外国文学研究. — 1990. — № 3. — 57—62页).

31. *Чжао Минъи*. «Переводческие идеи и жизненный путь переводчика русской литературы Цао Ина»: диссертация ... магистра филологических наук / Чжао Минъи. — Шанхай, 2008. — 46 с. (赵明仪. 论俄罗斯文学翻译家草婴的翻译思想与翻译人生. — 上海: 华东师范大学, 2008. 46页).

32. *Чжао Цзяньпин*. Критика Судьбы человека Шолохова / Чжао Цзяньпин // Вестник Сунляо. — 1987. — № 3. — С. 18—22 (赵剑平. 评肖洛霍夫的〈一个人的遭遇〉. // 松辽学刊. — 1987. — №3. — 18—22页).

33. *Чжоу Чэньянь*. Об художественной красоте Судьбы человека / Чжоу Чэньянь // Вестник Сычуаньского института иностранных языков. — 1998. — № 4. — С. 156—163 (周成堰. 论〈人的命运〉的艺术美. // 四川外语学院学报. — 1998. — № 4. — 156—163页).

34. *Ши Чжуншань*. Последний солдат / Ши Чжуншань. — Пекин : Издательство Синьхуа, 2010. — 444 с (石钟山. 最后一个士兵. 北京// 新华出版社. — 2010. — 444页).

35. *Шолохов М.* Рассказ Судьба человека / М. Шолохов. — Москва : Детская литература, 2022. — 66 с. — ISBN 978-5-08-006903-1.

Статья поступила в редакцию 02.05.2025,
одобрена после рецензирования 02.09.2025,
подготовлена к публикации 18.10.2025.

References

- Bai Zhaoqin. (1985). A brief study of Sholokhov's novel the Fate of Man. *Songliaxuan*, 4: 4—10. (In Chin.).
- Cai Hui. (1966). The true face of the traitor Sholokhov. *Newspaper of the People*. 6—8. (In Chin.).
- Dai Pingji, Zhang Zhidong. (1982). On the triumphs and failures of the story the Fate of man. *Bulletin of Shanxi University*. 7—12. (In Chin.).
- Du Lijun. (1957). About the peculiarities of creating Human Destiny. *The study of literature and art*, 5: 16—18. (In Chin.).
- Fan Shumin. (1957). Praising the Russian Character — reading Sholokhov's the Fate of Man. *Chinese Youth Newspaper*: 18—25. (In Chin.).
- He Mahajan. (1979). Criticism of Sholokhov's novel the Fate of Man. *Studies and Research*, 5: 32—35. (In Chin.).
- He Maozheng. (1989). Two sketches for the novel the Fate of Man. *Studies of foreign problems*, 4: 84—90. (In Chin.).
- Kalenichenko, O. N. (2012). The mythologeme of the construction victim in Russian literature of the 19th — 20th centuries. *SCIENCE — ART — CULTURE*. 149—161. (In Russ.).

- Kun Hanbin. (2004). *Soviet-Chinese relations and their impact on the social development of China*. Beijing: China international radio broadcasting publishing house. 405 p. (In Chin.).
- Li Jiabao. (1994). Philosophical questions about the Fate of modern humanity — three studies of the art of the novel the Fate of Man. *Bulletin of the Jinzhou Pedagogical University*, 3: 16—25. (In Chin.).
- Liu Xiangwen. (2014). *Sholokhov in China*. Beijing: Chinese Publishing House of Social Sciences. 88 p. (In Chin.).
- Liu Zhen. (1981). *The novel the Hero's Hymn*. Shanghai to Beijing: People's publishing house of Hebei province. 236 p. (In Chin.).
- Meng Fanhong. (2012). Transformation and formation of artistic vision in human Destiny. *Bulletin of Yanbian University*, 1: 61—64. (In Chin.).
- Mo Jiali. (1993). The Russian Symphony of Fate. Reflections on the Fate of man. *Guangdong Social Sciences*, 2: 18—21. (In Chin.).
- Neelov, M. M. (2001). The great and revered ancestors of the Russian people are a symbol of love and devotion to the motherland. *Omsk Scientific Bulletin*. 206—214. (In Russ.).
- Nikolyukina, A. N. (2001). The little man. In: *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Intelvak. 1596 p. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).
- Qi Xuedong, Zheng Jibing. (1966). The Fate of man is the black banner of modern Revisionist literature. *People's Daily*. 16—20. (In Chin.).
- Rabinovich, V. S. (2019). Features of literature of the lost generation in the works of non-war writers. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 1, Problems of education, Science and Culture*, 25 / 2 (186): 90—101. (In Russ.).
- Schmeman, A. (2009). *Conversations on Radio Liberty*, 2. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities. 541 p. ISBN 978-5-7429-0407-6. (In Russ.).
- Shi Zhongshan. (2010). *The Last Soldier*. Beijing: Xinhua Publishing House. 444 p. (In Chin.).
- Sholokhov, M. (2022). *The story of the Fate of man*. Moscow: Children's Literature. 66 p. ISBN 978-5-08-006903-1. (In Russ.).
- Sun Meilin. (1982). About Sholokhov's work. In: *Collection of articles on the history of Soviet literature*. Beijing: Publishing house of Foreign language and learning. 261 p. (In Chin.).
- Veselovsky, A. N. (1872). *Slavic legends about Solomon and Kitovras and Western legends about Morolf and Merlin*. Moscow: V. Demakov Printing House. 350 p. (In Russ.).
- Veselovsky, A. N. (1989). *Historical poetics*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 307 p. (In Russ.).
- Wang Guohua. (1987). New horizons in the field of military literature — a comparative analysis of the Fate of man and the West without change. *A study of foreign literature*, 2: 12—18. (In Chin.).
- Wen Yang. (1975). Criticism of the Quiet Don. *Vincennes Jinjiang Pedagogical University*. 6—10. (In Chin.).
- Xi Peiqiu. (1986). Comparison of the novel hymn of the hero and the Fate of man. *Bulletin of the Tsitsikar Pedagogical Institute*, 2: 23—27. (In Chin.).
- Xiang Jing. (2018). Homeless people as a literary device. *Modern Critic*. 25—30. (In Chin.).
- Xu Yin. (1995). The fate of man. another peak in Sholokhov's work. *Journal of Nanjing Pedagogical University*, 2: 83—86. (In Chin.).

- Zhang Junou. (1990). Reflections on the war. evaluation of the innovation of the story the Fate of Man in Soviet military literature. *Journal of Foreign Literature*, 3: 57—62. (In Chin.).
- Zhang Zeshi. (2000). *My Korean War*. Beijing: Shishi Publishing House. P. 100. (In Chin.).
- Zhao Jianping. (1987). Criticism of the Fate of Sholokhov's man. *Bulletin of Songliao*, 3: 18—22. (In Chin.).
- Zhao Mingyi. (2008). "Translation ideas and the life path of the translator of Russian literature Cao Ying". PhD Diss. Shanghai. 46 p. (In Chin.).
- Zhirmunsky, V. M. (1979). *Comparative literary studies. East and West*. Leningrad: Nauka Publ. Leningrad Branch. 493 p. (In Russ.).
- Zhou Chengyan. (1998). About the art and beauty of human Destiny. *Journal of Sichuan Institute of foreign languages*, 4: 156—163. (In Chin.).

*The article was submitted 02.05.2025;
approved after reviewing 02.09.2025;
accepted for publication 18.10.2025.*